

Тихомиров Лев Александрович

В подполье

**Очерки из жизни русских
революционеров 70-80 гг**

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-3
ББК 84-4
Л34

Л34 **Лев Александрович Т.**
В подполье: Очерки из жизни русских революционеров 70-80 гг / Тихомиров Лев Александрович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 176 с.

ISBN 978-5-519-76847-4

ISBN 978-5-519-76847-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Въ то время въ русскомъ образованномъ классѣ существовали совмѣстно два теченія: одно отдавало преимущество развитію и совершенствованію отдѣльныхъ лицъ и видѣло въ этомъ средство возрожденія Россіи; другое мечтало вызвать народныя массы къ сознательной политической жизни, въ томъ убѣжденіи, что эти народныя массы сами сумѣютъ создать дѣйствительно справедливый общественный порядокъ. Это былъ культъ индивидуума, съ одной стороны, и массы—съ другой.

До 1874 года господствовало первое теченіе; но уже начавшіяся сношенія пропагандистовъ съ рабочими пробуждали новую силу, второе теченіе. Люди работающіе непосредственно въ народѣ, скоро увидѣли въ немъ такъ много хорошаго, что не могли не привязаться къ нему всей душой, и эта привязанность скоро достигла самой сильной степени и перешла въ уваженіе и благоговѣніе.

Но тогда къ чему-же эта медленная, обдуманная и научная пропаганда? Она становилась совершенно не нужною. Торжеству этого-же мнѣнія, съ своей стороны, способствовало правительство своими энергичными преслѣдованіями, чрезвычайно затруднявшими организацію правильной пропаганды среди рабочихъ.

Кружокъ Чайковскаго къ началу 1874 года потерялъ половину своихъ членовъ. Собственно говоря, фактически, кружокъ пересталъ существовать. Подкрѣпленный нѣкоторымъ числомъ новыхъ членовъ онъ въ то же время утратилъ свои традиціи, свои опредѣленные качества и смѣшался съ общей революціонной массой всей Россіи.

Движеніе измѣнило свое направленіе, но не распалось. Оно нашло въ своемъ энтузіазмѣ новые пути въ обширныхъ равнинахъ родины. Началось „безумное лѣто“, лѣто 1874 года, когда сотни, быть можетъ, тысячи молодыхъ людей устремились въ народъ, чтобы обучать его, помочь ему, изучить его, чтобы, наконецъ, воспитаться самимъ среди него.

Это было очень могущественное, но и очень сложное движеніе.

Здѣсь перемѣшивались люди всевозможныхъ направленій: недавно появившіяся анархизмъ, якобинство, социализмъ, русскія демократическія идеи (народничество), стремившіяся осуществить волю народа,—всѣ эти отбѣнки мнѣній сходились, какъ въ одномъ руслѣ, въ этомъ общемъ движеніи.

Не мало было и такихъ людей, которые хотѣли жить только честною жизнью, т. е. жизнью рабочаго, получая средства къ существованію своимъ собственнымъ трудомъ.

Тогда-же явились на сцену и антиреволюціонныя доктрины, какъ напримѣръ, Маликова, доктрины очень близкія къ ученію графа Льва Толстого. Онѣ послужили нѣкоторымъ отвлеченіемъ отъ общаго движенія, такъ какъ увлекли нѣсколькихъ революціонеровъ за собою въ обратную отъ движенія сторону.

Среди разнокалиберности мнѣній этого волнующагося потока всегда слышалась одна, настойчиво вибрирующая нота—протестъ противъ несправедливостей современной цивилизаціи, протестъ, который въ своемъ увлеченіи часто доходилъ до отрицанія самой цивилизаціи. Наиболѣе экзальтированные люди понемногу начали отрицать науку, смѣялись надъ эгоизмомъ личнаго совершенствованія.

Цивилизація-то и заставляетъ пропадать съ голода весь народъ,

она-то и разрушила зародыши того справедливаго соціального поря-
ка, которые и до сихъ поръ еще не вытравлены изъ народной души.
Такъ долой цивилизацію! Нужно „обрасти волосами“!

Эта острота прекрасно рисуетъ тенденціи характеризуемой группы.
Члены ея стараются подражать народу въ его костюмѣ, языкѣ, частію
даже преувеличивая грубость послѣдняго; уходятъ изъ школъ, начи-
наютъ изучать ремесла: переплетное, столярное и др.

Я зналъ людей, которые такъ хорошо сумѣли „обрасти волосами“,
что не могли уже больше говорить литературнымъ языкомъ. При слу-
чаѣ нные изъ нихъ съ успѣхомъ сходили за мужиковъ.

Одинъ изъ такихъ людей однажды долженъ былъ бѣжать изъ го-
рода. Полиція выслѣживала его на вокзалѣ. Какъ быть? Онъ одѣлся
мужичкомъ и съ мѣшкомъ на плечахъ направился прямо къ жандарму.

— Будьте милостивы, Ваше почтеніе, скажи мнѣ, что стоитъ до-
бѣхать до X?

— Четыре рубля, отвѣчалъ тотъ.

— Нельзя-ли уступить подешевле?

— Дуракъ!

Жандармъ отправился по своимъ дѣламъ, а глупый мужикъ остал-
ся на мѣстѣ, даже и не думая итти въ кассу. Скоро прозвонилъ зво-
нокъ. Жандармъ, снова обративъ на него вниманіе, сказалъ нѣсколь-
ко словъ кондуктору; кондукторъ подошелъ къ мужику.

— Сколько ты хочешь дать за мѣсто?

— Да полтора рубля, Ваше почтеніе!

— Живо давай два рубля!...

Крестьянинъ далъ требуемое и кондукторъ самъ тайкомъ свелъ
его въ вагонъ.

Наблюдая одежду, манеры, языкъ этого человѣка и слыша, какъ
онъ торгуется, было бы чрезвычайно трудно признать въ немъ гроз-
наго революціонера.

Но, однако, не много лицъ могли оставаться „въ народѣ“ настоль-
ко долго, чтобы съ нимъ совершенно слиться.

Правительство, испуганное силой движенія, организовало ужаसाю-
щую охоту на пропагандистовъ. Тюремны быстро переполнились, аре-
стованные оставались два, три, четыре года въ одиночномъ заключе-
ніи и, такимъ образомъ, въ 1875—1876 гг. все огромное движеніе было
заторможено.

Однако, оно не осталось безъ результатовъ. Прежде всего непо-
средственное соприкосновеніе съ крестьянствомъ разрушило преобла-
дающія недавно тенденціи идеализировать мужика и привело къ рѣ-
шенію, что необходимо дѣйствительное и разумное сближеніе съ наро-
домъ, а не благоговѣніе передъ нимъ.

Народники сдѣлались господствующей партіей, и въ то же
время стали относиться скептически къ этому необыкновенному кре-
стовому походу 1874 года. Вторженія въ народную среду вовсе не нужно;
съ нимъ надо жить, изучать его, формулировать его желанія. Нужно
составить настоящую народную программу дѣйствій, организовать, если
не крестьянскую партію, то рядъ тайныхъ крестьянскихъ обществъ.
Дѣйствовать съ надеждою на успѣхъ можно только осуществивъ эту
первую задачу.

Это новое теченіе господствовало въ 1876—1877 гг. Первенствующей

шее значеніе въ этотъ періодъ имѣло тайное общество, которое называлось „Земля и Воля“; названіе было выбрано вполне удачно; оно ясно формулировало назрѣвшіе вопросы и даже внушено было самимъ крестьянствомъ. Впрочемъ, непосредственно намѣченная цѣль не была достигнута.

Всѣ тайныя общества, состоявшія изъ людей болѣе зрѣлыхъ и практическихъ, иногда даже изъ людей выдающихся способностей, правительствомъ всегда систематически преслѣдовались и вырывались съ корнемъ.

Однако, эти народническія идеи глубоко запечатлѣлись на господствующемъ движеніи, взгляды революціонеровъ сдѣлались болѣе умѣренными и болѣе практическими. Еще недавно существовавшій анархизмъ исчезъ совершенно; революціонные дѣятели старались создать болѣе осуществимыя программы.

Съ другой стороны, преслѣдованія правительства, уничтожающаго всѣ усилія революціонеровъ, мало-по-малу приводятъ къ убѣжденію, что при настоящемъ политическомъ положеніи Россіи организація какой бы то ни было партіи, и особенно партіи крестьянской, невозможна.

Прежде всего нужно защищаться отъ самого правительства, и вотъ около 1877 года явилось новое направленіе—террористическое. Возникла мысль, что революціонерамъ необходимо имѣть свой отрядъ для самозащиты, который долженъ защищать ихъ отъ шпионовъ, жандармовъ, отражая силу силой, и наказывая правительство за слишкомъ жестокія дѣйствія.

Разъ возникнувъ, эта мысль привилась преимущественно на югѣ Россіи, въ Украинѣ. Одни надѣялись, что открытая борьба съ правительствомъ захватить весь народъ и приведетъ къ общей революціи; другіе полагали, что и безъ этой общей революціи террористическая борьба съ правительствомъ устрашитъ его и принудитъ дать конституцію. Несмотря на противоположность этихъ двухъ мнѣній всѣ были согласны съ той точкой зрѣнія, что необходимо бороться съ правительствомъ вооруженной рукой. 1878 годъ отмѣченъ рядомъ политическихъ убійствъ, вооруженныхъ сопротивленій, побѣговъ и пр. Правительство отвѣчало висѣлицами, которыми еще больше толкало революціонеровъ на путь террора.

Около 1879 года возникла новая мысль, пропитанная еще недавнимъ якобинствомъ. Нужно не только устрашить правительство терроромъ, или принудить его къ уступкамъ; необходимо прямо свергнуть его путемъ общаго возстанія.

Эта идея резюмируетъ программу партіи „Народной Воли“, которая создавалась къ концу 1879 года.

Мысль о политической конспираціи съ цѣлью сверженія правительства невольно приводитъ опять революціонеровъ къ обществу и къ народу.

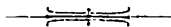
Для сверженія правительства необходимо имѣть непосредственную поддержку либераловъ, арміи и рабочихъ, слѣдовательно, необходимо создать, такъ сказать, партію всенародную. Такимъ образомъ, въ этотъ періодъ времени въ русской революціонной средѣ вновь нарождается сознаніе необходимости союза между всѣми оппозиционными элементами подобнаго тому, который былъ разрушенъ 20 лѣтъ тому назадъ; но и теперь среди самихъ революціонеровъ-террористовъ

раздаются голоса, не согласные съ этой точкой зрѣнія партіи, которые образовали ей въ нѣкоторомъ родѣ оппозицію. Однако, эта мысль о союзѣ, хотя и нѣсколько ослабленная указанной оппозиціей, придаетъ новой партіи на нѣкоторое время неслыханную дотолѣ силу.

Партія приступила къ своей небывалой еще въ исторіи героической борьбѣ, отъ которой вскорѣ правительство начало трепетать. Вполнѣ вѣроятно, что если бы либеральные элементы общества были способны поддерживать революціонеровъ въ ихъ идеѣ союза и еслибы революціонеры, въ свою очередь, были глубже охвачены духомъ низверженія самодержавнаго правительства, это послѣднее было-бы уже свергнуто или, по меньшей мѣрѣ, вынужденно согласиться на самыя широкія уступки.

Этой удивительной борьбѣ посвящено нѣсколько рассказовъ „Взрывъ“, „Шпіоны и контръ-шпіоны“ и пр. Но такъ какъ здѣсь поставлена задача только обрисовать нравы, а не писать исторію русскаго революціоннаго движенія, то для роли героев выбраны не главные вожаки движенія, а тѣ, кто наиболѣе живо и ярко характеризуютъ тогдашнее положеніе революціонной Россіи.

Во главѣ „Шпіоны и контръ-шпіоны“ подъ псевдонимомъ Дмитрія скрытъ выдающійся дѣятель Народной Воли—Александръ Михайловъ, а подъ именемъ М-Ле Marie—А. В. Якимова.



Пропагандисты.

— Угловъ проводить Васъ къ Макару, сказалъ мнѣ В... Желаю всего хорошаго!

Обоихъ я зналъ очень мало.

Макаръ бывалъ одновременно со мной на засѣданіяхъ нашего кружка. Онъ мнѣ очень понравился, хотя мы обмѣнялись съ нимъ едва нѣсколькими словами.

Углова я видѣлъ въ первый разъ. Это былъ очень интеллигентный рабочій; еще очень молодой, небольшого роста, живой и смѣлый, онъ очень заинтересовалъ меня—какъ ученикъ нашихъ пропагандистовъ. Для меня это былъ первый живой примѣръ ихъ успѣха и побѣды.

Петербургскій кружокъ, знаменитый тогда своими успѣхами среди рабочихъ, во всѣхъ рабочихъ кварталахъ имѣлъ собственные центры пропаганды, совершенно аналогичные тому, куда я долженъ былъ теперь отправиться. А за нѣсколько дней до этого, я пріѣхалъ въ Петербургъ нарочно для того, чтобы изучить систему пропаганды, принятую тогдашними дѣятелями.

Дорога была длинная. Нужно было пройти городъ изъ конца въ конецъ, чтобы добраться до отдаленнаго предмѣстья одной изъ заставъ.

Черезъ полтора часа ходьбы мы достигли, наконецъ, нашего предмѣстья. Это была широкая улица, которая тянется подъ разными названіями на протяженіи 4 верстъ; два ряда домовъ ограничены съ одной стороны Невой, которая протекаетъ здѣсь свободно, не стѣсненная гранитными набережными, сжимающими ее въ городъ. Съ другой стороны, сейчасъ же позади домовъ, начинается широкое, болотистое, совершенно пустынное пространство. Это—улица фабрикъ. Ихъ высокія трубы обрисовываются на фонѣ небесной синевы съ обѣихъ

сторонъ улицы. Всѣ прилегающіе дома были переполнены рабочимъ людомъ.

Чаще всего это были простыя фабричныя казармы большія и однообразныя пятиэтажныя зданія, выстроенныя съ цѣлью дать убѣжище сотнямъ рабочихъ. Изрѣдка мрачная и грязная линія этихъ домовъ прерывается, чтобы уступить мѣсто богатому помѣстью того или иного изъ королей промышленности. Довольно часто встрѣчаются портерныя, кабаки и трактиры.

Въ этой-то улицѣ, очень дурно вымощенной и вмѣсто тротуара имѣющей гнилыя деревянныя доски, мы и остановились передъ однимъ двухъэтажнымъ деревяннымъ домомъ, почернѣвшимъ отъ времени и фабричнаго дыма.

Пройдя до невозможности грязный дворъ, мы вошли въ темный коридоръ нижняго этажа.

— Здѣсь, сказалъ мой проводникъ, стучась въ дверь.

Дверь не открывалась. Тогда только мы замѣтили на ней замокъ, указывающій на отсутствіе хозяевъ квартиры. Это обстоятельство было тѣмъ печальнѣе, что я рассчитывалъ совсѣмъ остаться у Макара: въ этой части города я не имѣлъ рѣшительно никакого другого пристанища. Разговаривая, мы подождали нѣкоторое время, но Макаръ не приходилъ. Угловъ объявилъ мнѣ наконецъ, что онъ не можетъ оставаться долѣе.

— Замокъ, мнѣ кажется, не очень крѣпокъ; его можно сломать. Мы разсмѣялись при мысли, что самыя простыя идеи приходятъ послѣдними и, легко сорвавъ замокъ, вошли въ двери.

Квартира была изъ двухъ комнатъ и кухни. Досчатыя стѣны были покрыты рваными обоями. Грубый некрашенный полъ плясалъ подъ тяжестью нашихъ ногъ.

Въ кухнѣ два или три глиняныхъ горшка на большой русской печи, топоръ, валяющійся на полу, расколотыя дрова, самоваръ и ведро для воды. Спальня была заперта. Другая комната, квадратная, была меблирована простымъ деревенскимъ столомъ и полудюжиной разбитыхъ стульевъ. Карта Россіи украшала стѣну.

Таково было мое новое жилище. Окончивъ свою миссію, Угловъ отправился въ обратный путь. Тѣмъ временемъ явился хозяинъ квартиры съ своей женой, поэтическимъ созданьемъ, особенно отгнѣяемымъ этой

бѣдной до крайности обстановкой. Правда, что бѣдность эта была добровольная, и на нее, обыкновенно, не обращали никакого вниманія.

Я помню домъ за Невскою заставой;
Тамъ жили бѣдность, дружба и любовь.
Нужда друзьямъ казалася забавой,
И часто кровь ихъ грѣла вмѣсто дровъ...

Эти стихи одного изъ узниковъ Петропавловской крѣпости были написаны позднѣе въ воспоминаніе именно объ этой бѣдной квартирѣ.

Но ею были довольны, а это — главное.

Достаточно было нѣсколькихъ дней, чтобы мы съ Макаромъ сдѣлались друзьями. Жена же Макара была, очевидно, натурою менѣе экспансивной и болѣе сдержанной.

Сказать, что она была красавицей, это еще недостаточно. Она была рѣдкой красоты, достойной благородной расы сѣвера, сумѣвшей такъ хорошо сохранить древній славянскій типъ. Темно-каштановые волосы обрамляли ея мраморный лобъ. Черты интеллигентнаго лица поразительной правильности были полны той стойкой смѣлости, которая характеризуетъ женщинъ необычайной красоты. Глаза же поражали выраженіемъ дѣтской невинности. Судя по внѣшности, можно было сказать, что эта женщина еще не страдала.

Ихъ бракъ не былъ обыкновеннымъ банальнымъ бракомъ. Всего только годъ назадъ Надя жила еще у своихъ родителей въ отдаленной Вятской губерніи. Ея отецъ былъ священникъ; человѣкъ достаточно умный, даже образованный, онъ отличался упорнымъ характеромъ и крѣпко держался идей добраго стараго времени.

Надя, кончившая курсъ въ закрытомъ учебномъ заведеніи, мечтала о продолженіи своего образованія, о независимой жизни и не хотѣла быть бесполезной для человѣчества. Всѣ эти „глупости“ раздражали отца, который просто думалъ выдать свою дочь замужъ за какого-нибудь долговолосаго попа съ достаточно богатымъ приходомъ. Постоянныя столкновенія дочери съ отцомъ были тѣмъ ужаснѣе, что вся семья, кромѣ этой возмущавшейся Нади, трепетала передъ своимъ главою.

Надя жаловалась на свою печальную жизнь болѣе счастливимъ подругамъ, которымъ удалось уже вырваться и уѣхать въ Петербургъ, чтобы изучать тамъ медицину или какую-нибудь другую науку.

Нашъ добрый Макаръ, прослышавъ о молодой жертвѣ родительскаго деспотизма, былъ этимъ крайне возмущенъ и предложилъ свои услуги для ея спасенія.

Найти для этого способъ не представляло большой трудности; онъ заключался въ томъ, что въ Россіи называютъ фиктивнымъ бракомъ; такъ какъ подобнаго рода случаи бывали нерѣдко, то для выраженія этого понятія уже былъ изобрѣтенъ даже специальный терминъ.

Одна подруга Нади написала ей обо всемъ подробно, и Надя чрезвычайно обрадовалась возможности вырваться изъ засасывающей провинціальной среды. Правда, ее нѣсколько беспокоила мысль, что, прибѣгая къ этому средству, она отчасти связывала себѣ руки на будущее время, еслибъ когда-нибудь ей вздумалось выйти замужъ серьезно; но, въ сущности, не было ли это только глупостью и предразсудкомъ? Словомъ, она согласилась на сдѣланное ей предложеніе съ благодарностью.

Что же касается до Макара, то съ его стороны это не было даже жертвою. Онъ оказывалъ только услугу, правда, довольно непріятную, потому что необходимо было ѣхать на край свѣта для освобожденія неизвѣстной ему дѣвицы и играть тамъ чрезвычайно глупую роль претендента на ея руку; но этотъ предполагаемый бракъ отнюдь не могъ его чѣмъ-нибудь связывать; вполнѣ понятно, что онъ никогда и впоследствии не втюрится въ такую глупышку, которая могла бы потребовать отъ него официального, церковнаго брака.

Итакъ, Макаръ отправился въ путь и скоро пріѣхалъ на родину своей невѣсты. Это былъ молодой человекъ, — быть можетъ, даже слишкомъ молодой, такъ какъ ему шелъ всего 21 годъ, — красивый, веселый, симпатичный, съ открытыми и пріятными манерами дворянина малоросса, при этомъ онъ имѣлъ довольно известное имя и, хотя теперь не обладалъ уже какими-ни-

будь помѣстѣями, но—и это когда-то у него было... Наконецъ, въ будущемъ у него рисовалась карьера, такъ какъ онъ былъ студентъ. Короче, такой женихъ былъ не дурнымъ женихомъ для какой-то поповны.

Претенденту удалось завоевать симпатіи отца семейства и его предложеніе было принято.

Самая трудная сторона всего дѣла, рассказывалъ мнѣ, смѣясь, Макаръ, заключалась въ томъ, что сама невѣста была строга и дика, какъ чертъ. Ни малѣйшаго проявленія симпатіи, хотя по роли, выпавшей на ея долю, она должна была изображать страстно влюбленную! Вполнѣ довѣряясь Макару, Надя все-таки держалась на сторожѣ и леденила его своей холодностью.

Ни единого поцѣлуя!

Разъ вечеромъ, прогуливаясь съ своей невѣстой по саду и съ жаромъ разъясняя ей утилитарную теорію Бентама, онъ замѣтилъ матушку невѣсты, подсматривавшую за ними изъ-за опущенныхъ оконныхъ занавѣсокъ. Тогда внезапно опять войдя въ роль влюбленного жениха, онъ началъ страстно цѣловать собственную руку, сдерживая смѣхъ и повторяя: „Ахъ! какъ я васъ люблю“!

Надя нахмурила брови.

— Вотъ-те на! замѣтилъ онъ, развѣ я не имѣю права цѣловать свою собственную руку?

— Пожалуйста перестаньте, я предпочитаю видѣть васъ серьезнымъ!

Бѣдная мать: она потомъ строго внушала Надѣ, въ виду ея явнаго легкомыслія и неблагоразумія, быть какъ можно осторожнѣе!

Начали праздновать свадьбу, поздравляли и чествовали молодыхъ, но Макаръ, продолжавшій играть роль безконечно счастливаго, не зналъ, какому святому молиться, чтобы поскорѣе окончилась вся эта комедія.

Дѣло въ томъ, что самъ онъ начиналъ чувствовать, что и его сердце въ этомъ опасномъ сосѣдствѣ съ красотою, въ соединеніи со всѣми очарованіями столь тонкаго ума и столь чистой души, мало-по-малу начало подаваться. Онъ долженъ былъ употреблять всѣ усилія воли, чтобы скрывать нарождающееся чувство, обнаруженіе котораго въ настоящихъ обстоятельствахъ могло показаться невѣстѣ настоящей измѣной.

Но и кромѣ этого жизнь становилась для него все болѣе и болѣе непріятной. Молодымъ супругамъ отвели одну комнату съ одной кроватью. Онъ долженъ былъ, такимъ образомъ, спать на полу, не упуская изъ виду ни малѣйшей предосторожности, чтобы родители не могли замѣтить такихъ странностей ихъ медоваго мѣсяца. При этомъ онъ не могъ даже и раздѣваться.

Время, которое онъ проводилъ съ глазу на глазъ со своей женою, становилось для него часъ отъ часу тяжелѣе, такъ какъ она, еще болѣе строгая, чѣмъ раньше, едва лишь позволяла ему говорить съ собою.

Наконецъ, всѣ свадебныя торжества благополучно кончились, и молодые супруги отправились въ путь.

— Послушайте, мой другъ, сказала Макару его жена, какъ только ея отческій домъ скрылся изъ глазъ,—я должна поблагодарить васъ. Вы оказали мнѣ услугу, которую я, разумѣется, никогда не забуду. Кромѣ того, я должна признать, что вы оказались человекомъ очень ловкимъ и вполне честнымъ. Но мы навсегда должны остаться чуждыми другъ другу. Я вѣрю, конечно, что и вы никогда не забудете этого и не буду скрывать отъ васъ моихъ дальнѣйшихъ намѣреній.

— Но я и не требую ничего большаго, объявилъ, обидѣвшись, молодой супругъ.

Положительно такой избытокъ предосторожности превышаетъ всякую мѣру! Зачѣмъ эти призывы къ порядку, когда никто не думаетъ его нарушать? Вотъ награда за всѣ усилія, которыя онъ употреблялъ, чтобы скрыть свои истинныя ощущенія! Макарь чувствовалъ себя глубоко оскорбленнымъ.

По приѣздѣ въ Петербургъ молодые люди немедленно разстались.

Онъ старался забыть свою жену, предавшись съ удвоеннымъ рвеніемъ дѣлу, т. е. своимъ рабочимъ, своему кружку.

Надя отправилась въ провинцію, гдѣ она нашла мѣсто школьной учительницы.

Черезъ три или четыре мѣсяца она получила письмо отъ своего мужа. Онъ увѣдомлялъ ее, что одновременно онъ нашелъ необходимымъ послать ей родителямъ ложное извѣстіе о несчастныхъ родахъ Нади.